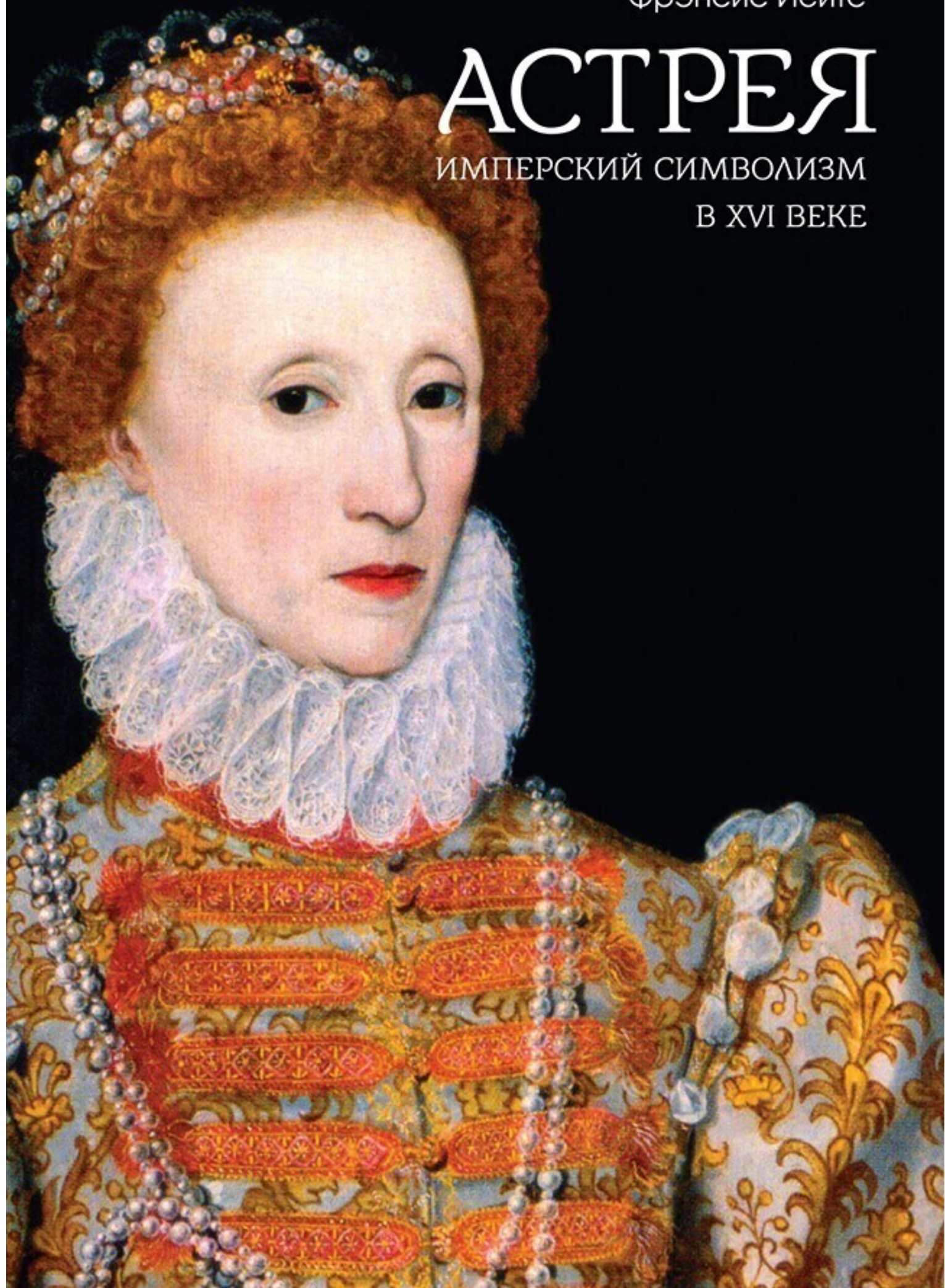

Фрэнсис Йейтс

АСТРЕЯ

ИМПЕРСКИЙ СИМВОЛИЗМ

В XVI ВЕКЕ

Фрэнсис Йейтс

**Астрея. Имперский
символизм в XVI веке**

Книжный магазин "Циолковский"

1993

УДК 141.33(4)"15"

ББК 87.3(4)42"15"

Йейтс Ф. А.

Астреля. Имперский символизм в XVI веке / Ф. А. Йейтс —
Книжный магазин "Циолковский", 1993

ISBN 978-5-6043673-7-7

Сборник эссе известного английского историка и культуролога Фрэнсис Амелии Йейтс (1889-1981) включает в себя несколько работ разных лет, объединённых ею в одно большое исследование об имперской идее и религиозном аспекте европейских монархий в эпоху Ренессанса. Хронологически книга охватывает период, предшествующий началу Тридцатилетней войны, и подводит читателя к предыдущей по времени работе автора «Розенкрейцеровское Просвещение». В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 141.33(4)"15"

ББК 87.3(4)42"15"

ISBN 978-5-6043673-7-7

© Йейтс Ф. А., 1993

© Книжный магазин
"Циолковский", 1993

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Карл V и имперская идея	11
Имперская идея в Средние века	12
<i>Iam redit et Virgo redeunt Saturnia regna</i>	18
Ренессансный гуманизм и имперская идея	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Фрэнсис Йейтс

Астрей. Имперский символизм в XVI веке

© ООО «Книгократия», 2020

© Александр Дементьев, пер. с англ., 2019

Предисловие

Начиная эту книгу как сборник «избранных эссе», я и представить себе не могла, что она заживёт собственной жизнью и превратится в отдельное сочинение. В процессе разбора и постановки работ в некоем осмысленном порядке, старые эссе снова ожили и некоторые отчётливо потребовали переработки с учётом нового опыта и знаний. Другие, столь же отчётливо, требовали оставить их как есть в качестве памятников прежним подходам, которые не утратили своей актуальности и поныне. По этой причине книга являет собой разнообразие стилей. Некоторые эссе принадлежат раннему варбургскому периоду. В первую очередь, это относится к главе, давшей название всей работе – «Королева Елизавета I как Астрей». Остальные отражают мой французский период. Переработка и две короткие главы, написанные специально для этой книги, принадлежат уже настоящему времени.

Вся представленная здесь научная работа была проделана в основном более двадцати лет назад и относится не позднее, чем к пятидесятым годам; и даже свежие эссе основаны на неопубликованных лекциях тех лет. А просматривая свои записи, я вспомнила о ещё более раннем периоде. Открытие эмблемы Диоскуров как иллюстрации гелиоцентрической системы Джордано Бруно произошло в тридцатые, когда я переводила его трактат «Пир на пепле». К этому же десятилетию относится и начало моего увлечения Генрихом III. С этими персонажами и идеями связан очень долгий отрезок моей жизни. И потребовалось невероятно много времени, чтобы осмыслить эпоху, всегда казавшуюся мне не просто мёртвым прошлым, но чрезвычайно важной основой современной художественной и духовной жизни. Эта книга, хотя и косвенно, вплотную подводит нас к Шекспиру; ведь его воображение несомненно действует именно в этом мире имперского символизма. И хотя я всячески старалась не делать на этом акцент, но, двигаясь по такому пути, мы можем прийти к исторически важному новому пониманию шекспировского религиозного чувства.

Исследования, на которых основаны данные эссе, были написаны мной за долгие годы до книги «Джордано Бруно и герметическая традиция» (1964). Однако Бруно уже занимает в них видное место с его скитаниями между Францией и Англией в поисках идеального правителя империи, который способен был бы спасти мир от тирании. Его работы, в которых политико-религиозный месседж неотделим от герметической религиозной философии, хорошо демонстрируют, насколько тесно были связаны в сознании ренессансного мыслителя единое идеальное управление человеческим обществом и физическое устройство Вселенной.

Предметом исследования нескольких эссе является имперский символизм французской монархии в конце XVI века, его контрасты и сходства с елизаветинским символизмом. Как и в Англии, монархия во Франции служила объединяющим символом в условиях, когда разрыв между католиками и протестантами угрожал наступлением хаоса. Усилия по религиозному примирению под сенью либеральной французской короны сформировали основу движений, во главе которых встали Плеяда и Академия поэзии и музыки де Баифа, и нашли выражение в больших придворных празднествах, одно из которых стало темой включённого в книгу эссе. Ренессансная магия в таких представлениях была призвана служить укреплению монархии и предотвращению религиозных войн. С усилением кризиса в конце столетия французский король (Генрих III) попытался возглавить религиозное движение, исследуемое в эссе о процессах. Генрих же IV оказался тем спасителем, который смог хотя бы на время создать имперский мир без межконфессиональных конфликтов.

Эта книга заканчивается как раз там, где начинается моя предыдущая работа, а именно в первых годах семнадцатого столетия, накануне начала Тридцатилетней войны. Елизаветинское протестантское рыцарство и французские плеядисты вошли в число многих составляющих,

породивших розенкрейцерское движение начала XVII века в Германии, о котором я рассказывала в книге «Розенкрейцерское Просвещение» (1972).

Эссе «Королева Елизавета I как Астрей», будучи центральным произведением сборника, не более важно, однако, чем все остальные, и находится в тесной связи с другими его частями. На самом деле, эта работа, опубликованная в 1947 г., содержит в своём конце предпосылки ко всем прочим эссе и даже многим другим моим книгам.

Представленные здесь иллюстрации не имеют отношения к истории искусства, равно как и к истории книгопечатания. Они являются неотделимой частью аргументации, но при этом не столько иллюстрируют текст, сколько представляют приводимые доводы иными средствами и используют визуальные образы в качестве самих по себе исторических документов. Девиз Карла V на двух колоннах герба являет собой историческое заявление, которое нельзя было сделать никаким иным способом. То же самое относится и к «Сиенскому» портрету Елизаветы I. Изображения же процессий несут важную информацию в своей иконографии.

Далее я перечислю даты и места публикаций моих ранних работ, перепечатанных или переработанных в этой книге, указания на которые отсутствуют в тексте.

Происхождение эссе «Королева Елизавета I как Астрей» следует искать в периоде до 1947 года, даты его публикации в журнале Варбургского института¹, а именно в прочитанной в 1945 году лекции о королеве и её поэтах, которая изначально была представлена как проповедь!² «Астрей» перепечатана из журнала почти без изменений, за исключением нескольких пропусков, сделанных во избежание повторов с другими эссе, нескольких упрощений в примечаниях и иллюстрациях и нескольких новых ссылок. Она принадлежит к периоду, когда из Германии только прибыли выдающиеся учёные и библиотека³. Рукопись статьи незадолго до своей смерти прочёл Фриц Заксль.

Из «Астреи» выросли четыре «имперские лекции» об имперской теме в Средние века и Ренессансе, впервые прочитанные в Доме Сената Лондонского университета в январе 1952 года. Впоследствии они стали основой для проводившихся в 1967–1970 гг. в Варбургском институте и в 1968 г. в Гуманитарном обществе Корнельского университета семинаров. Эти работы ни разу не публиковались на английском языке, но в 1960 г. вышел их французский перевод⁴. Эссе «Карл V и имперская идея», а также «Идея французской монархии» представляют собой те самые «имперские лекции», подготовленные для перевода на французский.

Работа «Елизаветинское рыцарство: романтика турниров Дня Восшествия на престол» была подготовлена для симпозиума о Филиппе Сидни, организованного Д. Гордоном в университете Рединга в марте 1954 г., и опубликована в виде статьи в журнале Варбургского института в 1957 г.⁵ Эта статья воспроизведена здесь почти в оригинальном виде, если не считать нескольких небольших изменений и двух добавленных иллюстраций.

Эссе «Триумф целомудрия» было написано специально для этой книги, хотя и основывалось на ранее неопубликованных лекциях: «"Триумфы" Петрарки и поэты елизаветинской эпохи», прочитанной в университете Рединга в марте 1950 г., и «Аллегорические портреты Елизаветы I», прочитанной в Слейд-скул при Лондонском университете в мае 1953 г. На этих лекциях я разбираала связь «Сиенского» портрета и «Портрета с горностаем» с «Три-

¹ 'Queen Elizabeth as Astrea', *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, X (1947), pp. 27–82.

² Имеется в виду лекция, прочитанная в рамках ежегодных «Чтений Элизабет Хоулэнд» в церкви Святой Марии в Стрете (Лондон). Заложенная в начале XVIII в. традиция изначально предполагала чтение ежегодного доклада о королеве Елизавете I в форме проповеди в день её восшествия на престол. — Прим. переводчика.

³ Имеется в виду переезд Варбургского института из Германии в Лондон. — Прим. переводчика.

⁴ Charles Quint et l'idée d'Empire', *Fêtes et Cérémonies au Temps de Charles Quint*, ed. Jean Jacquot, Centre National de la Recherche Scientifique, Paris, 1960, pp. 57–97.

⁵ Elizabethan chivalry: The romance of the Accession Day Tilts', *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, XX (1957), pp. 4–25.

умфами» Петрарки, сопровождая рассказ демонстрацией слайдов с деталями и сравнениями. Хелен Рёдер опознала сцены на колонне «Сиенского» портрета как эпизоды из «Энеиды» Вергилия во время своей работы в фотографической коллекции Варбургского института в 1949–1950 гг. Она также помогла мне с Тукцией и «Триумфами».

Статья «Въезд Карла IX и его супруги в Париж в 1571 г.» была подготовлена для коллоквиума Жана Жако в Ройомоне в июле 1955 г. А в 1956 г. Национальный центр научных исследований опубликовал её на французском в сборнике «*Le Fêtes de la Renaissance*»⁶. Однако представленное здесь эссе, хотя и использует находки французской статьи, всё же является совершенно отличной от неё работой, равно как и от моего английского предисловия к факсимильному изданию рассказа Симона Буке об этом въезде⁷. Переработанное для книги эссе исследует имперскую тему в символизме французской монархии, а также её сходства с елизаветинским имперским символизмом.

Статья «Торжества в честь свадьбы герцога де Жуайеза в Париже в 1581 г.» была написана по-французски для международного коллоквиума в Париже в июне-июле 1953 г., организованного Жаном Жако и др. при финансовой поддержке Национального центра научных исследований. Она была опубликована в сборнике «*Musique et Poésie au Seizième Siècle*»⁸. В ней удалось идентифицировать часть написанной специально для этих торжеств музыки. Оригинальная французская статья была расширена до формата эссе, чтобы показать важность самих празднеств в целом и их использования в качестве своего рода музыкальных заклинаний, имевших целью призвать астральные силы на помощь французской монархии.

Изображения религиозных процессий, хранящиеся в *Cabinet des Estampes* Национальной библиотеки Франции, завораживали меня в течение многих лет. Некоторые из них я включила в свою книгу «Французские академии XVI века» (1947), а весь набор (иллюстрации 24–39 в данном издании) был опубликован в моей английской статье, написанной для французского музыковедческого журнала в 1954 г.⁹ Эта статья была полностью переписана для вошедшего в настоящую книгу эссе «Религиозные процессии в Париже в 1583–1584 гг.» Просматривая множество записей, сделанных мною много лет назад во время работы с изображениями процессий, я обнаружила, что понимаю эти картины теперь гораздо лучше. Переработка «Процессий» для книги принесла мне по-настоящему захватывающий опыт, который открыл новый взгляд на возможную связь королевских религиозных движений Генриха III с тайной сектой фамилистов.

Последнее эссе «Астрей и галльский Геракл» было написано специально для этой книги. Оно во многом основывается на работе Коррадо Виванти о символизме Генриха IV и пытается соединить вместе символизм, присущий английской и французской монархиям.

Три приложения в конце воспроизводят краткие заметки по темам этого сборника. Текст «Аллегорические портреты Елизаветы I в Хэтфилд-хаус» был опубликован в брошюре об усадьбе в 1952 г.¹⁰ «Книга костюмов Ж.-Ж. Буассара и два портрета» появилась в виде небольшой заметки в журнале Варбургского института в 1959 г.¹¹ Статья «Художественные работы Антуана Карона для триумфальных арок» вышла в выпуске Варбургского журнала за 1951 г.¹²

⁶ Poètes et artistes dans les Entrées de Charles IX et de sa reine à Paris en 1571', *Les Fêtes de la Renaissance*, ed. Jean Jacquot, Centre National de la Recherche Scientifique, Paris, 1956, pp. 61–84.

⁷ Simon Bouquet, *Bref recueil, etc.*, Paris, 1572. Факсимильное издание этого текста выйдет в серии Renaissance Triumphs and Magnificences, ed. Margaret McGowan, Theatrum Orbis Terrarum Ltd, Amsterdam, Vol. III. Моё предисловие к этому репринтному изданию содержит материалы, которых нет в опубликованном здесь эссе.

⁸ Poésie et musique dans les Magnificences au Mariage du Duc de Joyeuse, Paris, 1581', *Musique et Poésie au XVIe Siècle*, ed. Jean Jacquot, Centre National de la Recherche Scientifique, Paris, 1954, pp. 241–264.

⁹ 'Dramatic religious processions in Paris, in the late sixteenth century', *Annales musicologiques*, II, Publication de la Société de la Musique d'Autrefois, Direction G. Thibault, F. Lesure, Paris, 1954, pp. 215–270, plates I–XX.

¹⁰ Hatfield House Booklet, no. 1, out of print.

¹¹ Boissard's costume book and two portraits', *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, XXII (1959), pp. 365–366.

По времени основная часть научной работы, представленной в сборнике, относится к периоду между двумя моими книгами, известными кратко как «Академии» (1947) и «Гобелены» (1959). В книге «Французские академии XVI века»¹³ я исследовала ряд аспектов французской культуры шестнадцатого столетия, интерес к которым затем определил появление этих эссе. В «Академиях» была представлена моя первая попытка изучения французских празднеств 1581 года. Эти исследования были продолжены в книге «The Valois Tapestries»¹⁴ («Гобелены Валуа»), где я разбирала гобеленные изображения французских придворных торжеств и пыталась проанализировать их значение как воплощений политико-религиозного мировоззрения «политической» партии. И хотя настоящая книга является цельным трудом, чтение которого не требует знакомства с моими предыдущими работами, они могут быть полезны для дальнейшего изучения этих тем. В эссе на французские темы в этом издании я включила материал из «Академий» и «Гобеленов», которого не было в оригинальных публикациях статей, на которых они основаны.

Хочу выразить свою признательность всем, кто разрешил мне использовать в этой книге, в репринтной или переработанной форме, эссе, изданные ранее в других местах. Журнал Варбургского института дал мне возможность впервые опубликовать два из представленных здесь эссе и два текста из приложений. Я благодарна директору института, сэру Эрнсту Гомбриху, и редакторам за разрешение использовать эти эссе и заметки в настоящем издании.

Жан Жако из Национального центра научных исследований любезно позволил включить сюда эссе, впервые вышедшие во французских изданиях центра. Организованные им в 50-х годах коллоквиумы дали мне стимул к тому, чтобы взяться за изучение этих тем. Таким образом, я обязана ему гораздо большим, чем просто разрешением на публикацию. Возрождение интереса к европейскому феномену придворного празднества произошло во многом благодаря его инициативе организовать встречи большого числа европейских учёных. Надеюсь, что он воспримет эту книгу как, в некотором смысле, плод англо-французского научного сотрудничества, для развития которого он так много сделал. Те памятные встречи в Париже сильно обогатили участие группы французских музыковедов, при содействии которых впервые увидело свет одно из эссе этой книги. И я благодарна госпоже де Шамбюр и Франсуа Лезюру за разрешение привести его здесь в переработанном виде. За согласие на перепечатку брошюры об усадьбе Хэтфилд-хаус я выражаю признательность маркизу Солсбери.

Её величество королева милостиво разрешила воспроизвести в этой работе картины из своей коллекции.

Я также благодарю следующих людей, которые позволили мне использовать в качестве иллюстраций работы из своих собраний: маркиза Солсбери, Саймона Уингфилда Дигби, Городского клерка Дувра, попечителей Британского музея, директоров Национальной портретной галереи, Музея Виктории и Альберта, Национального морского музея, Института искусств Курто, Собрания Уоллеса, Галереи Уффици, Лувра, Прадо, Национальной библиотеки Франции (*Cabinet des Estampes*), Музея Бандини (Фьезоле), Сиенской Пинакотеки и Национального музея Швеции.

Неоценимое содействие мне всегда оказывали сотрудники Варбургского института. Дж. Б. Трэпп и Дженнифер Монтаг всегда с готовностью приходили на помощь в библиотеке и фотографической коллекции. Элизабет Макгрэт помогала мне в поиске фотографий, чтении рукописи и во множестве других вещей; в особенности же я благодарна ей за её энтузиазм. Фотографам института, прошлым и нынешним, я благодарна за их умения и навыки.

¹² 'Antoine Caron's paintings for triumphal arches', *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, XIV (1951), pp. 133–134.

¹³ *The French Academies of the Sixteenth Century*, Warburg Institute, no. 15, London, 1947 (Kraus Reprint, 1967).

¹⁴ *The Valois Tapestries*, Warburg Institute, London, 1959.

Основателю Варбургского института Аби Варбургу, устроившему свою библиотеку так, чтобы она вдохновляла и стимулировала исторические исследования, в том числе и на темы имперской идеи или символизма придворных празднеств, эта книга обязана своим появлением. И хотя библиотека института была основной базой для моих изысканий, я также провела много времени в библиотеке Британского музея. Большим подспорьем в работе была и Лондонская библиотека с её богатой коллекцией редких исторических материалов. Её сотрудникам, бывшим и нынешним, я благодарна за оказанную помощь.

В Париже я работала в основном в Национальной библиотеке Франции, в особенности в *Cabinet des Estamps*. Его директор, Жан Адемар, оказывал мне большое содействие.

Множество друзей поддерживало меня все эти годы. Большой интерес к моим исследованиям проявляла покойная Гертруда Бинг. А Эрнст Гомбрих воодушевлял их своим благосклонным отношением и щедрой помощью своих обширных знаний. Я также искренне признательна Д. П. Уокеру, чьи глубокие познания в ренессансной философии и музыке всегда были для меня большим подспорьем. Моя сестра никогда не оставляла меня своим пониманием и поддержкой.

Варбургский институт
Август 1973 г

От переводчика

Перевод выполнен по изданию F. A. Yates, *Astraea: The Imperial Theme in the Sixteenth Century*, London, Pimlico, 1993. Научно-справочный аппарат книги сохранён в оригинальном формате английского издания и дополнен в некоторых случаях комментариями переводчика. Ссылки на опубликованные русские переводы цитируемых книг и источников, в том числе и работ самой Ф. Йейтс, даны в русском формате записи. Для некоторых поэтических произведений могут использоваться разные переводы, исходя из соображений близости к оригиналу того или иного фрагмента.

Часть I. Карл V и имперская идея

В середине XVI века Священная Римская империя, всё более и более сжимавшаяся до размеров локального немецкого образования, внезапно снова обрела свою былую значимость. Столетие, в которое начала формироваться новая Европа с её большими государствами, построенными на принципах реалистичного управления и проникнутыми духом национального патриотизма, увидело также и последнее явление монарха-потенциального правителя мира в лице императора Карла V. Образ новой Европы обретал свои очертания под сенью или миражом возрождения имперской идеи. Это возрождение в лице Карла V было фантомом. Правителем мира он стал выглядеть благодаря габсбургской политике династических браков, собравшей под его властью обширные территории. И когда после смерти Карла Филипп II унаследовал испанский трон, а имперский титул перешёл к другой ветви Габсбургов, всё внушительное здание империи второго Шарлеманя рассыпалось в прах. Говоря об империи Карла V, современные историки обычно подчёркивают её временный и иллюзорный характер. В этом эссе я попытаюсь, не отрицая иллюзорность империи в политическом смысле, показать, что она была значима именно как фантом, ибо через символизм своей пропаганды подняла и распространила в Европе имперскую идею уже в период существования отвергавшего её более продвинутого политического мышления.

Представленная попытка поместить империю Карла V в исторический контекст является не более чем беглым наброском или ограниченным разбором обширнейшей темы. Она не затрагивает политических реалий или непосредственной политической истории периода, а касается лишь идеи империи или имперской надежды. Как сказал Р. Фольц: «В отличие от политического представления об империи ... имперская надежда (*espérance impériale*) остаётся чрезвычайно изменчивой; она всё ещё движется в универсальной плоскости»¹⁵. Каждое возрождение империи в лице какого-либо великого императора несло за собой, как призрак, возрождение универсальной имперской надежды. Эти возрождения, включая и Карла Великого, никогда не были в политическом плане чем-то реальным или долговечным, но неувыдающее влияние их призраков не исчезало никогда. Империя Карла V, будучи последним возрождением *espérance impériale*, связанной с носителем имперского титула, принесла влияние этого фантома в современный мир.

Это и будет являться темой нашего исследования. Чтобы сформулировать её более чётко, необходимо начать с анализа, пусть и поверхностного, того, что представляла собой имперская идея в Средние века, и как развивалась её концепция, прежде чем рухнуть под давлением нового исторического и политического мышления. В таком контексте явление имперской идеи в лице Карла V видится как возрождение давно устаревшего понятия.

Возрождённый во втором Карле Великом призрак *espérance impériale* мы будем исследовать в основном через его отражение в символизме и поэтическом воображении, а всё данное эссе будет являться введением в изучение влияния имперской идеи на этос и символизм поднимающихся европейских монархий. Ибо несмотря на то, что империя Карла V рассыпалась сразу после его смерти, она смогла передать свой призрак имперской надежды национальным монархиям, в особенности английской и французской, которым будут посвящены другие эссе этой книги.

¹⁵ R. Foltz, *L'Idée d'empire en Occident du Ve au XIVe siècle*, Paris, 1953, p. 178.

Имперская идея в Средние века

Последний император Западной Римской империи Ромул Август был смещён в 475 году. После этого Восточная империя продолжила своё существование в одиночку, а Западная Европа погрузилась в Средние века и не имела номинального императора вплоть до того торжественного рождественского дня 800 года, когда в соборе святого Петра папа Лев III водрузил императорскую корону на голову Карла Великого. Это было первым *renovatio* империи в новые времена, обозначившим начало современной Европы. Обновлённая в лице Карла империя, благодаря соответствующей теории перемещения, воспринималась как настоящая Римская империя. Так же как Константин переместил империю на Восток, так же она теперь в лице Карла Великого вернулась на Запад. Таким образом титул Карла в теории заключал в себе всё римское мировое господство, единовластное владение всем миром¹⁶.

Августин в своём труде «О Граде Божьем» разделяет человеческое общество на два града, *civitas Dei* – Град Божий или Церковь; и *civitas terrena* – Град Земной или град дьявола¹⁷. Земным градом он считал языческое общество Римской империи, нравственные качества которого не позволяли установить добродетельный порядок в этом мире. Мир принадлежит дьяволу, и Град Божий должен совершать сквозь него своё паломничество к вечности. Почему же тогда Папа, Викарий Христа, глава Града Божьего в его земном путешествии, восстановил империю, этот Град Земной? Ответ состоял в том, что возрождённая империя должна была быть империей христианской; император должен был стать защитником *civitas Dei* и его помощником в деле распространения слова Церкви по миру. Именно так Карл Великий, любимой книгой которого было «О Граде Божьем», воспринимал свой *imperium*, не как *civitas terrena* в противопоставлении *civitas Dei*, но как град, представляющий земную часть Церкви, царство вечного мира на земле, как говорил Алкуин.

В таком виде фигурам папы и императора суждено было пройти через всё Средневековье: папа – глава церкви; император – глава мира. Император никогда не имел в мире реальной власти, сравнимой с реальной властью папы в церкви. Он управлял лишь некоторыми территориями, большей частью в Германии, с очень расплывчатым и часто оспариваемым суверенитетом над другими монархиями. Но, несмотря на кажущуюся неэффективность, он одним своим существованием подтверждал ту истину, что вся Европа произошла из одного корня Римской империи, и поддерживал идею главенства Рима над всем миром, идею мирового единства. В отношениях папы и императора существовала симметрия. Нельзя сказать, что они были равнозначной парой, поскольку папа стоял выше императора, и от папы император получал свою корону. При этом последний повторял духовную модель в светском устройстве. Папа есть Викарий Христа, и император также находится в особых отношениях с Господом, которые легче всего понять, представив его в роли церковного диакона, стоящего на кафедре с императорской короной на голове и обнажённым мечом в руке, чтобы в день Рождества Христова прочесть из Писания: «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле». Занимая низшую ступень диакона в духовной иерархии и высшую в мирской, император поддерживает пришествие Христа в этот мир с помощью меча своего светского правосудия. Император Сигизмунд прочёл этот отрывок на Рождество 1414 года перед Констанцским Вселенским собором¹⁸. Полномочия императоров на церковных соборах и их право выдви-

¹⁶ См.: L. Halphen, *Charlemagne et l'Empire carolingien*, Paris, 1947; R. Folz, *Le Souvenir et la légende de Charlemagne*, Paris, 1950.

¹⁷ Об августинианстве и теории империи см.: H. X. Arquillière, *L'Augustinisme politique*, Paris, 1934; E. Gilson, *Les Méamorphoses de la Cité de Dieu*, Louvain, 1932.

¹⁸ J. Bryce, *The Holy Roman Empire*, London, 1904 ed., p. 398 note.

гать предложения по реформе церкви, являвшееся предметом бесконечных споров в период Реформации, вытекают из религиозных связей имперской власти.

Сакрализация идеи империи опиралась на традиционное представление о судьбоносной роли Рима, как исторической подготовки к рождению Христа. Эта традиция плохо соотносится со взглядом Августина на *civitas terrena*, но она появилась уже после того, как империя стала христианской при Константине, через адаптацию христианскими апологетами, в особенности Евсевием и Лактанцием, языческих имперских мотивов. Эпоха Августа была высшим примером объединённого и пребывающего в спокойствии мира под властью Римской империи, и именно ей выпала честь увидеть рождение Христа. Согласившись прийти в мир, находящийся под властью римского закона и величайшего из цезарей, Христос тем самым освятил римский мировой порядок и римское правосудие. Так, прославлявшая Августа «Энеида» Вергилия стала полусакральной поэмой, воспевавшей исторический контекст рождения Спасителя. Более того, считалось, что Вергилий слышал пророческий голос, когда в четвёртой эклоге провозгласил, что вскоре возвратится золотой век, а с ним царство девы Астреи или Справедливости, и родится мальчик, который будет править этим обновлённым миром. Эти слова было принято относить к рождению Христа в золотой век правления Августа¹⁹. Такие ассоциации позволяли применять языческую имперскую риторику о периодических обновлениях империи или возвращении золотого века к средневековым христианским императорам, сохраняя в христианизированной форме содержащийся в ней циклический взгляд на историю. *Renovatio* империи будет подразумевать духовное обновление, ибо в возрождённом мире, в новом золотом веке спокойствия и справедливости будет править Христос.

Подобный мистицизм не должен заслонять того факта, что и тогда, и в последующие эпохи это воспринималось как восстановление в лице Карла Великого и сохранение в будущих средневековых императорах именно власти, контроля в буквальном смысле слова, права господствовать над всем миром. Перенос империи станет затем краеугольным камнем традиций германского империализма в том смысле, что империя была взята у греков и передана германцам в лице Карла Великого. И одновременно это станет одним из аргументов в притязаниях французской монархии на главенство в Европе, ведь разве Карл Великий не был королём франков?

Возложение императорской короны на голову Карла, трактуемое впоследствии как передача империи германцам или франкам, в то время так не воспринималось. Никто не ставил себе сознательной цели возложить управление на какую-либо одну нацию или династию. Но мы знаем, что в последующие времена императорский титул оставался у северных правителей. Поэтому здесь возможна ещё одна интерпретация этого события, а именно как переноса империи на север. Такое положение было неизбежно с самого начала, поскольку, если свести всю ситуацию, о которой много теоретизировали после, на самый очевидный уровень, причина, по которой папе был нужен император, заключалась в необходимости иметь светского союзника для защиты, а светская власть находилась в руках северных варваров.

Идеал императора, выросший впоследствии вокруг имени Карла Великого в циклах эпической поэзии, принял специфический северный оттенок. Идея имперского правителя в них транспонируется на феодальный мир, где имперские *pac* и *justitia* достигались боевыми качествами рыцарей. Таким образом, Карл Великий из «Песни о Роланде» или христианский рыцарь-император из романов об Артуре – есть идеальный правитель мира в его северной

¹⁹ Император Константин первым открыто назвал четвёртую эклогу мессианским пророчеством. См.: Constantine, *Oratio ad Sanctorum Coetum*, in Migne, *Patr. graec.*, VIII, 456; Lactantius, *Div. Inst.*, V, v (*Opera omnia*, ed. S. Brandt and G. Laubmann, Vienna, 1890, p. 413). О дискуссиях по этому вопросу см. J. B. Mayor, W. Warde Fowler, R. S. Conway, *Virgil's Messianic Eclogue*, London, 1907; A. Bartlett Giamatti, *The Earthly Paradise and the Renaissance Epic*, Princeton, 1966, pp. 23ff. Об использовании мотива христианизированного обновления на имперских монетах см.: H. Mattingly, 'Virgil's Fourth Eclogue', *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, X (1947), pp. 14–19.

и феодальной трансформации. Сдвиг имперской идеи на северные земли набрасывает налёт романтизма на классическую фигуру императора даже в итальянских глазах. Средневековый итальянский империализм обращал свой взор на север в ожидании возвращения императора, который пришёл бы оттуда во главе войска блистательных рыцарей, чтобы вернуть золотой век мира и справедливости. Эта жалкая, но глубоко укоренённая иллюзия, возможно, объясняет ту радость и восхищение, с которой даже в конце XV столетия Италия встречала вторгшиеся армии Карла VIII, представшие ей во всём блеске французского рыцарства.

На эту северную романтическую модель идеального императора в позднее Средневековье наложилась очень чёткая теория имперского управления. Среди определивших это различных факторов можно выделить два основных. С одной стороны, выдающиеся личные качества некоторых правителей из династии Гогенштауфенов наполнили призрачный имперский титул некоторым реальным содержанием. С другой, возрождение римского права в Болонье дало этим могущественным императорам мотивированную правовую базу для титула.

В римском праве император именовался *Dominus mundi*, правитель мира. Имперские исследователи римских законов, обдумывая этот титул, обнаружили, что он подразумевал главенство над всеми царями мира. «В Римской империи много провинций со множеством королей, но только один император, их сюзерен», – говорит Угучий Пизанский²⁰. Феодальный принцип сюзеренитета здесь интерпретируется в терминах римского права. Феодальные властители или короли управляют провинциями и ответственны перед императором, как верховным феодальным сюзереном, римским *Dominus mundi* или правителем мира.

Император Фридрих II, благодаря одновременно своей головокружительной карьере и интеллектуальным способностям к пониманию римского права, стал одним из самых выдающихся выразителей имперской идеи в Средние века. Его манифесты приковывали внимание Европы к идее *Dominus mundi* и имперских притязаний, а контрманифесты папской курии столь же ясно провозглашали притязания папы на статус духовного главы мира. XIII век был веком закона, и, если возрождение римского права вносило новую ясность в положение императора, совершенствование канонического права при трёх великих главах церкви, которые и сами находились под влиянием того же возрождённого римского права (в особенности Иннокентий III), так же чётко прояснило положение папы²¹. Только включение светского правителя мира в высшую сферу правителя духовного и тонко сбалансированные отношения папы и императора могли позволить достичь средневекового идеала мирового единства. Если папа выдвинет притязания на светскую сферу императора, или наоборот, император посягнёт на духовную сферу папы, баланс будет нарушен. И чем более обе сферы легализованы и определены, тем выше опасность столкновения.

По линии матери Фридрих II унаследовал норманнское королевство Сицилии, включавшее Неаполь и часть южной Италии. Таким способом этот северный император получил очень прочный плацдарм на юге, и в своих южных владениях воплотил проект идеального имперского правления. Из его свода законов, сицилианских или мельфийских конституций, из официальных объявлений имперской канцелярии, из писем и сочинений окружавших его людей можно вывести чёткое представление о том, как Фридрих видел фигуру императора. Император – это не просто представитель Божьего правосудия на земле; он является полу-божественным посредником, через которого справедливость течёт от Господа в этот мир. Эрнст Кантович в своей книге о Фридрихе писал:

Все метафоры свода законов указывают в одном направлении. Император выступал единственным источником справедливости ... Его

²⁰ См.: E. Kantorowicz, *Frederick II*, London, 1931, p. 8.

²¹ См.: W. Ullmann, *Medieval Papalism*, London, 1949.

правосудие сродни наводнению ... он истолковывает закон ... От него справедливость ручьями растекается по королевству, и те, кто распространяют его власть по всему государству, являются имперскими чиновниками²².

В эталонном королевстве Сицилии за исполнением законов следил класс чиновников, получавших юридическое образование по утверждённой Фридрихом программе, и, похоже, что этот новый класс светских администраторов требовал к себе почти священнического почтения, как к проводникам божественного имперского правосудия. Для выражения этой иерархической концепции были выработаны новые формы и церемонии, включавшие возрождение культа императора. До нас дошли описания того, как император председательствовал на Великих судах. «Его Священное Величество (*Sacra Majestas*) император восседал на недостижимой высоте. Над его головой была подвешена гигантская корона. Все, кто приближался к нему, должны были падать ниц перед Божественным Августом (*Divus Augustus*)»²³.

Философское обоснование этой имперской правовой системы основывается на трёх силах, определяемых как необходимость, справедливость и провидение (*Necessitas, Justitia, Providentia*)²⁴. Наличие правителя для ведения государственных дел является необходимостью, законом природы; божественный закон требует, чтобы его правление было справедливым; и благодаря божественному провидению или предвидению римский император является справедливым и необходимым правителем. Корни концепции Фридриха следует искать отчасти в римском праве, отчасти в древней философии, почерпнутой из хорошо знакомых ему арабских источников, и отчасти в имитации церковной теории управления миром, где в роли представителя Бога на земле папа заменялся императором, а иерархия духовенства – чиновничеством.

Фридрих, по-видимому, мечтал перенести установленную им в Сицилийском королевстве модель управления и воплощённые в ней имперские идеалы на весь мир, но по факту не смог сделать этого даже в собственных владениях. В своих северных доминионах он по-прежнему оставался лишь феодальным сюзереном. Можно сказать, что как великий Гогенштауфен он принадлежал к северной, феодально-рыцарской имперской модели. Но как владелец Сицилии он стоял во главе нового типа *renovatio*, более южного и классического в своих чертах, в котором глубокое правовое, философское и теологическое обоснование необходимости единого правителя нашло своё выражение в сплочённом абсолютистском государстве. Оба этих типа оказались соединены в фигуре императора, ибо на Сицилии его окружал рыцарский двор, из которого частично формировался административный аппарат.

Возможно, что именно комбинация этих двух типов или моделей имперского *renovatio* сформировала суть гибеллинизма. Гибеллин жаждет обновления империи, прихода идеального правителя и наступления царства мира и справедливости в новом золотом веке. В поисках всего этого он смотрит на север, ибо там впервые возродилась империя, и там сохранился имперский титул. Его ожидания проникнуты духом рыцарских романов, но внутри гибеллинского романтизма находится твёрдое ядро чёткого легалистического мышления. Управление миром под властью единого правителя должно отражать управление Вселенной под властью единого Бога без всяких неопределённостей и обобщений. Это должно быть упорядоченное осуществление правосудия в рамках организованного государства.

Всегда трудный баланс между папами и императорами во времена Фридриха становится балансом между двумя мировыми монархиями, одна из которых строилась на базе канонического права, другая же начинала организовываться на основе римского. И каждая из них претендовала на то, что её глава является прямым проводником божественной воли. Формальное

²² *Frederick II*, pp. 234–235.

²³ *Ibid.*, p. 236.

²⁴ *Ibid.*, pp. 254 ff.

подчинение императора папе, которое всегда публично признавал Фридрих, не могло скрыть опасности такого положения вещей, и Европа содрогнулась от эха потрясшей её ссоры между двумя главами христианского мира. Наиболее громкими её эпизодами стали запрещение папой крестового похода императора и захват императором судов с духовенством, следовавшим на созванный папой собор. Дело дошло до открытого конфликта, когда во время пребывания императора в запрещённом крестовом походе, папские войска вторглись в Сицилийское королевство. В этой кампании две монархии оказались в состоянии войны друг с другом, и до людских ушей донёсся устрашающий звук, вызывавший апокалиптические страхи, – звук скрестившихся духовного и светского мечей.

Все стадии конфликта освещались в манифестах, издаваемых папой и императором. Фридрих, как фигура, воплощавшая имперский миропорядок, называл папу единственным нарушителем спокойствия в Европе – этот аргумент впоследствии будет активно использоваться в эпоху Реформации. И действительно, по мере усиления конфликта, император начинает занимать всё более морализаторскую и реформистскую позицию²⁵. Императоры традиционно возглавляли крестовые походы, и апостольский долг обращения язычников лежал на имперской власти. И теперь, когда между Фридрихом и папой разверзлась пропасть, миссионерская сторона этой власти начинает всё более принимать черты реформаторства, по мере того как император в своих официальных заявлениях порицал воинствующий дух, гордыню и алчность Викария Христа и его кардиналов. Так начала рождаться идея об имперской реформе церкви, которая позднее получила мощное развитие в связи с религиозными ограничениями, объявленными протестантскими национальными монархами.

Религиозная сторона имперской миссии в понимании Фридриха выражалась в форме адамического мистицизма. В соответствии с этими представлениями первым настоящим правителем мира был Адам до грехопадения. Поэтому задачей настоящего императора является установить такое правление на земле, которое приведёт человека к состоянию Адама до изгнания, иными словами, к земному раю²⁶. Это подразумевает искупительную, сродни Христу, роль императора, пусть и ограниченную светской сферой, и связано с толкованием золотого века как рая на земле, выработанным в том числе Лактанцием во времена Константина²⁷. Это похоже на разновидность секулярного мистицизма или мистического секуляризма, где император является чем-то вроде светского Христа, возвращающего человечество назад в земной рай посредством своего правосудия и создающего настоящий золотой век своим имперским порядком. Такие представления являлись крайней формой развития того процесса освящения *civitas terrena* или мирского общества, который содержался в средневековой идее императора.

Со смертью Фридриха II наиболее полная и последовательная попытка возродить Римскую империю окончилась крахом. И тем не менее эта выдающаяся фигура продолжала жить в воображении людей ещё многие годы. Партии гвельфов и гибеллинов навсегда сохранили память о его титаническом противостоянии с папством. Итальянские тираны были его духовными наследниками (а некоторые и физическими через внебрачных детей), подкреплявшими, как и он сам, свои деспотические притязания полным арсеналом имперской риторики. Как долго просуществовал этот идеал вселенской монархии, хотя бы и в качестве риторического придатка, в претензиях Сфорца или Медичи на то, чтобы быть реставраторами золотого века в своих владениях, возможно, является вопросом, заслуживающим исследования.

Данте поместил императора Фридриха и его канцлера Пьетро делла Винья в ад²⁸. Несмотря на то, что в «Божественной комедии» он таким образом, говоря теологически, отре-

²⁵ *Ibid.*, pp. 614 ff.

²⁶ *Ibid.*, pp. 258 ff.

²⁷ *Div. Inst.*, V. viii (*ed. cit.*), p. 421.

²⁸ Данте Алигьери. *Божественная комедия*. Ад. Песни X, XIII. – Прим. переводчика.

кается от великого протагониста гибеллинского империализма, в «Монархии» Данте развивает монархическую теорию, в которой чувствуется влияние идей Фридриха и которая, возможно, отчасти вдохновлялась памятью о сицилийской модели государства. Канторович идёт ещё дальше и заявляет, что мечта об установлении сицилийского порядка на всей земле не была столь сильна, пока Данте не нарисовал свою картину единой римской мировой монархии.

Данте определяет монархию или империю так: «Светская монархия, называемая обычно империей, есть единственная власть, стоящая над всеми властями во времени и превыше того, что измеряется временем»²⁹. То есть светская монархия принадлежит истории этого мира, а не вневременного мира духовного. Далее, по аналогии с устройством физического мира, он показывает, что природа вещей требует установления такого политического устройства, которое соотносилось бы с естественным порядком, и этим устройством должна быть мировая монархия под властью одного правителя. Данте приводит пример малых социальных групп. Как все силы внутри человека должны управляться одной его умственной силой; как в каждой семье должен быть один управляющий ею глава; как один правитель управляет городом и один королевством, так же должен быть и один, кто управляет всем миром³⁰.

Главным аргументом в пользу необходимости единого правителя мира выдвигается то, что только таким образом можно избежать войн. В четвёртой книге «Пира» Данте вкратце излагает суть «Монархии»:

Поэтому для устранения этих войн и их причин необходимо, чтобы вся земля и чтобы всё, чем дано владеть человеческому роду, было Монархией, то есть единым государством, и имело одного государя, который, владея всем и не будучи в состоянии желать большего, удерживал бы отдельные государства в пределах их владений, чтобы между ними царил мир, которым наслаждались бы города, где любили бы друг друга соседи, в любви же этой каждый дом получал в меру своих потребностей, и чтобы, удовлетворив их, каждый человек жил счастливо, ибо он рождён для счастья³¹.

В этом всеобщем мире человек сможет наилучшим образом развить свои интеллектуальные способности. Подобно тому, как каждый отдельный человек, находясь в тишине и покое, способен действовать наиболее разумно, так же и весь род людской, когда царит мир и спокойствие, может легко и свободно следовать своим лучшим качествам. Только под властью единого правителя мир сможет стать таким, чтобы сделать существование человечества счастливым и обеспечить развитие всех его сил и возможностей, в чём и состоит истинная свобода. Именно это имел в виду Вергилий, когда, желая вознести хвалу своему веку и эпохе Августа, сказал в четвёртой эклоге: «Дева грядёт к нам опять, грядёт Сатурново царство».

²⁹ Монархия. Кн. I, ii. Пер. В. П. Зубова // Данте Алигьери. *Малые произведения*. М., Наука, 1968. С. 305–306.

³⁰ Там же. I, v. С. 309–310.

³¹ Пир. Трактат IV, iv. Пер. А. Г. Габричевского // Данте Алигьери. *Малые произведения*. М. 1968. С. 209.

Iam redit et Virgo redeunt Saturnia regna

Под Девой, объясняет Данте, Вергилий подразумевает деву Астрею или Справедливость, покинувшую этот мир с наступлением железного века, когда люди предались злу. Под Сатурновым царством он имеет в виду лучшие времена, называемые также золотым веком³².

Мировая монархия, продолжает Данте во второй книге «Монархии», по праву принадлежала римлянам, а управление ею – римскому императору. Это потому, что римский народ был самым справедливым, и его правление было правлением разума, который равняется справедливости. Имперские притязания римлян подкрепляются также и доводом провидения. Божий промысел в призвании римлян на мировое господство подтверждается сопутствовавшим им успехом и тем фактом, что Христос соизволил прийти в этот мир во времена, когда он был объединён под властью одного правителя, и этот правитель был римским³³.

Провиденческий довод Данте излагает в «Пире» так:

А так как для его [Христа] пришествия в этот мир нужно было, чтобы не только небо, но и земля были устроены наилучшим образом, а наилучшее устройство земли есть монархия, то есть, как говорилось выше, подчинение единому началу, божественным промыслом был определён народ и город, которым надлежало это исполнить, а именно – прославленный Рим³⁴.

Таким образом аргументация Данте развивает три главных пункта монархической теории Фридриха: *Necessitas*, *Justitia* и *Providentia*.

В третьей и заключительной книге «Монархии» Данте отстаивает тезис о том, что власть монарха происходит напрямую от Бога, погружаясь таким образом в опасный спор между духовной и светской монархиями, сотрясавший эпоху Фридриха II. Он подробно излагает доводы против защитников канонического права и отрицает подлинность Константинова Дара³⁵. Он не признаёт символизма солнца и луны, подразумевающего, что император получает свою власть от папы, как луна свой свет от солнца, и возводит власть обоих к божественному солнцу. При этом он подчёркивает строгое разделение духовной и мирской сфер. Человек стремится к двум вещам: достижению блаженства в земной жизни, к которому он идёт собственными силами, и это представляется земным раем; и достижению блаженства в жизни вечной, к которой он не может прийти сам без божественной благодати, и это представляется раем небесным. Этим двум целям и двум раям соответствуют цели и функции светской и духовной монархий³⁶.

Было бы неправильным придавать излишнее значение сходствам в теориях Данте и Фридриха, ибо часть из них вполне могла происходить из независимого обращения к одним и тем же источникам. Тем не менее «Монархия» Данте является несомненно империалистским текстом и одним из наиболее ярких выражений имперской теории в Средние века.

³² Монархия. I, xi. С. 312.

³³ Там же. II, viii-xii. С. 334–341.

³⁴ Пир. IV, v. С. 211.

³⁵ Дар Константина (лат. *Donatio Constantini*) – подложный дарственный акт императора Константина I римскому папе Сильвестру, закреплявший передачу верховной власти над Западной Римской империей главе римской церкви. – Прим. переводчика.

³⁶ Монархия. III. С. 341–362.

Надежды на возвращение справедливой империи Данте связывал с правившим в его дни императором Генрихом VII. Он ожидал, что тот придёт в Италию с севера, чтобы выполнить лежавшую на нём миссию.

...мы долго плакали над реками смятения и непрерывно призывали на помощь законного короля, который покончил бы с телохранителями жестокого тирана и восстановил бы нас в наших законных правах. И когда ты, преемник Цезаря и Августа, перешагнув через горные хребты, принёс сюда доблестные капитолийские знамёна, мы перестали вздыхать, поток наших слёз остановился, и над Италией, словно желаннейшее солнце, воссияла новая надежда на лучшее будущее. Многие вместе с Мароном, ликуя, воспевали тогда и царство Сатурна, и возвращение Девы³⁷.

Эти слова говорят о том, что Данте воспринимал как абсолютную данность переход империи к Карлу Великому и его потомкам, северным императорам. Для Данте Генрих VII действительно представлял Вечный Рим; он – истинный наследник Цезаря и Августа, и поэтому только ему под силу восстановить справедливость и вернуть деву Астрею с золотым веком.

Идеал мирового правителя Данте – это идеал абсолютного верховенства над миром римского императора, который сохранился и был пронесён через Средние века как потенциальная возможность в фигуре средневекового императора, но теперь под влиянием возрождённого античного права и философии высвободился, развернулся и проявился в законченную теорию мира, управляемого правосудием одного *Dominus Mundi*. В нём нет ни единого намёка на национальность или национализм в современном смысле слова. Император для Данте не германец и не итальянец, он – римлянин, истинный наследник Цезаря и Августа, живое свидетельство сохранения единства античного мира и живой посредник, через которого это единство может быть восстановлено в некоем новом обновлении, возрождении и возвращении справедливости золотого века.

В целом, воззрения Данте по этому вопросу не были характерны для средневековой мысли. В трактате «О правлении государей» (*De regimine principum*), по крайней мере часть которого принадлежит Фоме Аквинскому, излагается типично средневековая доктрина двух властей, необходимых для достижения двух целей. И хотя эта двойственность соединяется воедино в фигуре Христа, который одновременно и царь (*rex*), и священник (*sacerdos*), в этом мире две власти делегируются отдельно, одна светским правителям, другая священнослужителям и их главе папе³⁸. Аквинат в своей изложенной в «Сумме» политической теории, похоже, имеет в виду множество самостоятельных государств, обладающих светской властью. Он считает монархию лучшей формой правления и использует для обоснования этого аргумент «единого», но применяет его к власти короля, а не вселенского монарха или императора³⁹. И хотя вся его мысль подразумевает фундаментальное единство человеческой жизни, подчиняющееся высшему принципу справедливости и высшему божественному управлению миром, он нигде не выдвигает идеи единого вселенского монарха⁴⁰. В целом, влияние классической политической мысли вело его не в сторону империализма.

В 1327 году монах-доминиканец по имени Гвидо Вернани написал содержательное опровержение дантовской «Монархии» с позиции гвельфов⁴¹. В нём он заявляет, что разобьёт все

³⁷ Генриху VII, императору. Пер. И. Н. Голенищева-Кутузова // Данте Алигьери. *Малые произведения*. М. 1968. С. 374.

³⁸ *De reg. princ.*, I, xiv; cf. A. P. D'Entrèves, *The Mediaeval Contribution to Political Thought*, Oxford, 1939, p. 40.

³⁹ *De reg. princ.*, II; cf. D'Entrèves, *op. cit.*, p. 37.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 36.

⁴¹ Guido Vernani, *De Potestate Pontificiis et de reprobatione Monarchiae compositae a Dante Alighieri*, 1327; cf. D'Entrèves, *op.*

доводы Данте с помощью сочинения «О Граде Божьем» Августина. Аргумент о том, что власть дана римскому народу провидением, опровергается цитатами из Августина об идолопоклонстве, гордыне и тщеславии Вечного города. Эпоха Августа описывается им как век пороков и отхода от добродетелей Республики, что полностью подрывает представление о золотом веке имперского правления как избранной свыше декорации для рождения Христа. Идея о том, что имперское правосудие может вернуть человека назад к земному раю, полностью опровергается утверждением о неподвластности первородного греха Адама никаким человеческим законам. И, наконец, настойчиво отрицаются две цели человека, в том виде, как они сформулированы у Данте. Одна – это достижение земного блаженства или земного рая через приложение всех собственных сил, к которому устремлена светская монархия, другая – достижение блаженства в вечной жизни или рая небесного, к которому устремлена духовная монархия. Это, говорит Вернани, должно дать двойное блаженство для смертной и бессмертной частей человека, но это невозможно, поскольку в смертной части не может быть, строго говоря, ни добродетели, ни блаженства, и потому Господь не ставил человеку такой цели, которая не может удовлетворить его истинную натуру. Ибо сердце человека не находит удовлетворения ни в чём, кроме как в созерцании высшего блага (*summum bonum*), являющегося его единственной истинной целью.

Такое бескомпромиссное утверждение позволяет расставить всё по своим местам. Те части имперской теории Данте, против которых выступает Вернани, возможно, более характерны для *renovatio*, называемого «Ренессансом», чем для Средних веков, хотя их истоки и лежат в Средневековье, во временах, когда папа Лев III передал освящённый *civitas terrena* Карлу Великому.

Ренессансный гуманизм и имперская идея

Как уже говорилось выше, универсализм, или скорее нереализованный идеал универсализма, оказался разрушен в Ренессансе. Люди стали ограничивать свои надежды на достижение единства пределами национальных государств. Вместо прежнего очень неопределённого универсального подданства, частично работавшего лишь в краткие периоды и ведшего обычно – как во время тщетной интервенции императоров в Италию в XIV в. – не к золотому веку, а к смятению и бедствиям, возникает национальный патриотизм. Петрарка, в противоположность Данте, являет собой новый взгляд на этот вопрос. Вместо представленной в «Монархии» величественной картины единого *Dominus mundi*, устанавливающего вселенское царство мира и справедливости, Петрарка переносит свой энтузиазм на картину объединённой Италии, не разрываемой более распрями мелких государств и пребывающей в мире внутри себя. И канцона «Италия моя» (*Italia mia*), с этой точки зрения, является патриотическим произведением, призывом к итальянскому народу стать нацией.

И тем не менее итальянский патриотизм Петрарки возникает в рамках старой универсальной конструкции, хотя его взгляд на историю существенно отличается от того, который лежал в основе средневекового империализма⁴². Вера в непрерывную преемственность Римской империи через теорию её перемещения к Карлу Великому является иллюстрацией в данной конкретной области того, что, как мы знаем, было присуще Средним векам в целом, а именно, что Средневековье не ощущало разрыва между собственным временем и классическим прошлым⁴³. Отношение Петрарки к истории отражает то, что называлось новым чувством исторической дистанции гуманистов. Обладая большими знаниями о классической цивилизации, гуманист не может воспринимать её как продолжающуюся непрерывно до настоящего (его настоящего). Он считает, что она закончилась с разрушением античного мира варварами, после чего наступил тёмный период, длящийся до его собственного времени. И миссия гуманиста состоит в том, чтобы рассеять эту темноту через открытие и новое прочтение литературных и иных памятников античности. Это должно привести к обновлению, возрождению и началу нового периода классического света, который разгонит варварскую тьму, длящуюся с падения античного мира до настоящих дней. Он по-прежнему сохраняет представление о циклическом возвращении, периодических обновлениях, об имперской риторике, но настаивает на гораздо более полном возрождении классической цивилизации, истинную природу которой он начал понимать.

Что же, исходя из этой точки зрения, происходит со средневековой теорией непрерывности империи? Из пророчества, которое Петрарка вложил в уста Луция Сципиона в латинской поэме «Африка»⁴⁴, можно предположить, что в действительности он не отвергал теорию перемещения и, следовательно, непрерывности империи. При этом в других местах он мог презрительно отзываться о самых значимых постулатах средневекового империализма. Он считал, что варварские влияния, разрушившие Рим, продолжали существовать в варваризованной средневековой империи. В одном из ранних писем Петрарка называет Карла Великого «королём Карлом, которого прозвищем “Великий” варварские народы осмелились поднять на уровень Помпея или Александра»⁴⁵. Не признавая за Карлом имперского титула и утверждая, что только

⁴² О взглядах Петрарки на империю см.: Т. Е. Mommsen, 'Petrarch's conception of the Dark Ages', *Speculum*, XVII (1942), pp. 226–242; С. С. Bayley, 'Petrarch, Charles IV, and the *Renovatio Imperii*', *Speculum*, XVII (1942), pp. 323–341; W. K. Ferguson, *The Renaissance in Historical Thought*, Cambridge, Mass., 1948, pp. 8 ff.

⁴³ Согласно Фергюсону (Ferguson, *op. cit.*, p. 7), хотя многие средневековые историки и осознавали закат Римской империи, они воспринимали это как симптом общего старения мира, близящегося к концу.

⁴⁴ Петрарка. *Африка*. Песнь II, строфы 288–293. Пер. Е. Г. Рабиновича и М. Л. Гаспарова. М., Наука, 1992. С. 28.

⁴⁵ *Le Familiari*, ed. V. Rossi, 1926, I, 25.

варварские народы называют его «Великим», Петрарка, как заметил Т. Моммзен, подразумевает пренебрежение ко всему институту средневековой империи и его притязаниям на наследование *imperium Romanum*. Возможно, что слова из «Африки» о чужаках, укравших скипетр и славу империи⁴⁶, хотя и употреблённые в адрес неитальянских императоров Древнего Рима, могут подразумевать и перемещение империи к франко-германским чужакам на севере.

Слабостью средневековой империи, с точки зрения гуманистов, было то, что её центр находился не в Риме. В теории Рим признавался центром через происходившую там коронацию папами императоров, однако политический центр находился на севере. С утратой уважения к идее перемещения империи становится очевидной несостоятельность идеи так называемого римского императора, который правит не из Рима. «Если Римская империя не в Риме, то где она?» – спрашивает Петрарка в «Книге без адреса» (*Liber sine nomine*)⁴⁷.

Исторические видения и чувства, которые пробуждали в Петрарке визиты в Рим и лицезрение величественных руин, усиливали его новое видение истории. Политически это выразилось в энтузиазме, с которым он встретил движение Колы ди Риенцо, которое тот попытался организовать в 1347 г.⁴⁸ Называвший себя «народным трибуном» Риенцо выпустил серию пламенных манифестов с призывом ко всей Италии объединиться вокруг возрождённого Рима. Под возрождением он, в первую очередь, подразумевал восстановление республики. Риенцо заявил, что под его предводительством возвращается к жизни древняя гражданская добродетель (*virtus*)⁴⁹ римского народа, и это новое рождение Рима, хотя и было обращено главным образом к Италии, имело широкий скрытый подтекст, ибо он разослал свои манифесты почти всем европейским монархам. Республиканство Риенцо, однако, являлось лишь прелюдией к предполагаемому восстановлению империи с центром в Риме. Римский народ, поднявшийся в своей возрождённой силе и добродетели (*virtus*) должен был избрать императора, который постоянно находился бы в Риме. Так в Риме должна была возникнуть обновлённая империя. С этим была связана и риторика имперского золотого века, использовавшаяся Риенцо в его движении.

Право народа Рима возлагать власть на императора нередко использовалось и в Средневековье. Под влиянием Арнольда Брешианского⁵⁰ римский сенат написал письмо Конраду III, первому императору из династии Гогенштауфенов, заявив о своём праве назначить его и требуя, чтобы он обосновался в Риме. Риенцо тоже выпустил похожее послание к современному ему императору Карлу IV⁵¹.

Республиканство Риенцо демонстрирует отсутствие внутреннего понимания конституционных отличий между древнеримской республикой и империей. Его цель была в том, чтобы через республиканство возродить *virtus* римских граждан и вдохновить их на провозглашение Римской империи. Так номинальный император должен был стать истинным римским императором. Его переезд подразумевал бы, конечно, что все предшествующие средневековые императоры не были таковыми. Однако, называя себя не только «народным трибуном», но и «рыцарем Святого духа», Риенцо сохранял в себе те рыцарские ассоциации, которые относились к

⁴⁶ Африка. II, 274–278. С. 27.

⁴⁷ *Liber sine nomine*, IV, in P. Piur, *Petrarcas 'Buch ohne Namen' und die papstliche Kurie*, Halle, 1925. p. 126; cf. Ferguson, *op cit.*, p. 9.

⁴⁸ См. C. Burdach, *Rienzo und die geistige Wandlung seiner Zeit* (in *Vom Mittelalter zur Reformation*, II, i), Berlin, 1913; P. Piur, *Cola di Rienzo*, Vienna, 1913; I. Origo, *Tribune of Rome*, London, 1938.

⁴⁹ *Virtus romanus* (лат.) – совокупность личных добродетелей и качеств, определявших идеального римского гражданина – Прим. переводчика.

⁵⁰ Арнольд Брешианский (*Arnaldo da Brescia*, 1100–1155) – итальянский религиозный и общественный деятель. Проповедовал отказ от роскоши в церковной жизни и возврат к первоначальному христианству, чем поставил своё учение в оппозицию к римским папам. В 1145 году пытался во главе народной партии воссоздать республику в Риме. После многократных изгнаний казнён по приказу папы Адриана IV. – Прим. переводчика.

⁵¹ См.: Bayley, *op. cit.*, pp. 324–325.

северной модели имперского возрождения и едва ли согласовывались, что с республиканством, что с более классическим римским типом имперской идеи.

Петрарка всей душой откликнулся на движение Риенцо. Он верил, что как слабость и разобщённость Италии, так и тот факт, что Рим перестал быть центром империи, являлись следствием «переменчивости Фортуны», которую уже не могла удержать древняя гражданская добродетель *Populus Romanus*. Успехи Риенцо породили надежду на возрождение античной доблести, но граждане Рима оказались слишком ненадёжным материалом, и движение выдохлось. Разочарованный Петрарка, вспомнив о своих гибеллинских корнях (его отец, современник Данте, так же, как и последний, был изгнан из Флоренции за свои имперские взгляды), обращается к номинальному императору Карлу IV. Он умоляет его сделать то, что не удалось движению Риенцо – объединить Италию и вернуть империю в Рим⁵². Таким образом мы видим, что условный итальянский национализм Петрарки возникает в рамках старой конструкции и опирается на универсалистские идеалы. И для Риенцо, и для Петрарки, объединение Италии, достигнутое посредством псевдо-республиканских идей или традиционного гибеллинского обращения к императору, является всего лишь прелюдией к тому, чтобы *imperium* возвратился в Рим. А *imperium* в теории означал мирового правителя, *Dominus mundi*, вселенский мир и справедливость.

Чем же тогда это отличается от гибеллинизма Данте? Разве он тоже не призывал императора прийти в Италию и возродить её? Призывал, но для Данте император Священной Римской империи был истинным наследником Цезаря и Августа. Он не нуждался в романизации, ибо, являясь германцем по рождению, по доблести своего правления был римлянином, по прямой линии наследовавшим императорам древнего Рима. Необходимость новой романизации, так остро ощущаемая Петраркой, связана с его восприятием средневековой империи как полуварварского института и скептическим отношением к теории её перемещения.

Император разочаровал Петрарку так же, как и римские граждане. Италия не была объединена, *imperium* не был перенесён обратно в Рим в обновлении, которое должно было стать политической стороной гуманистического Ренессанса или возрождения классической культуры. И тем не менее призрак имперского *renovatio* являлся движущим мотивом деятельности итальянских гуманистов. Свою мечту, которую не удалось реализовать в политике, они пытались воплотить в литературе. Достаточно, например, взглянуть на язык, которым Поджо Браччолини описывает открытие им рукописи Квинтилиана в Сен-Галленском монастыре. Манускрипт лежал в куче мусора в месте «непригодном даже для осуждённых преступников и совершенно недостойном своих благородных обитателей»⁵³. Леонардо Бруни, поздравляя Поджо с находкой, писал, что с нетерпением ждёт прибытия рукописи в Италию, и добавлял, что «когда после освобождения из долгого заключения в застенках у варваров, вы доставите его [Квинтилиана] сюда, все народы Италии должны собраться для приветствия»⁵⁴. В этой картине благородный римский автор Квинтилиан, спасённый руками гуманиста от пренебрежения и варварства, с триумфом возвращается на родину. Однако в ней есть некоторая историческая несправедливость, поскольку классические рукописи, заново открытые итальянскими гуманистами, переписывались и сохранялись в эпоху каролингского ренессанса, отнесённого теперь к варварским векам⁵⁵.

Схожий энтузиазм служил мотивацией и для самых высоких достижений итальянских гуманистов, включая новое открытие и воссоздание латинского языка, который, очистившись от варварских наслоений тёмных веков, снова засиял над миром в своей классической чистоте.

⁵² *Ibid.*, pp. 328 ff.

⁵³ Poggio to Guarino, December 1416; cited W. Shepherd, *Poggio Bracciolini*, Liverpool, 1837, pp. 97–98.

⁵⁴ Bruni to Poggio, cited Shepherd, *op. cit.*, pp. 95–96.

⁵⁵ См.: G. Billanovich, 'Petrarch and the textual tradition of Livy', *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, XIV (1951), pp. 137–208.

Универсалистские идеалы гуманизма чётко видны в выразительном предисловии Лоренцо Валла к собственному трактату «О красоте латинского языка»⁵⁶, где он заявляет, что возрождённая и очищенная латынь должна стать мировым языком, средством, которое понесёт свет классического возрождения всем народам.

Неприятие Средних веков и средневековой империи как тёмного периода между классической античностью и гуманистическим Ренессансом было гораздо менее близко северным народам и в особенности германцам, которые, естественно, не были склонны считать, что перенос империи к ним означал её варваризацию. Поэтому отношение к истории империи германских историков, хотя и находящихся целиком под влиянием исходящего из Италии классического возрождения, отличается от Петрарки и его последователей⁵⁷. В изданной в 1516 г. «Хронике» Иоганна Науклера коронация Карла Великого превозносится как свидетельство предопределённого свыше верховенства германской нации. Этот акт обозначил переход Римской империи к германцам. Господь избрал их для того, чтобы доминировать над другими народами и владеть всем миром. И это был мудрый выбор, ведь разве германцы не есть самый благородный, самый справедливый, самый многочисленный, самый сильный и стойкий в битве из всех народов?⁵⁸ Аргумент провидения, или божественного промысла, избравшего римлян, переносится здесь на добродетельную германскую нацию, которой по праву была передана империя.

Так идеал правителя мира приобрёл свои специфические черты на севере и на юге. Перенос империи на Север означал, что германцы являются истинными наследниками римлян, в то время как Юг настаивал на том, что она должна быть возвращена от северных варваров назад в Италию. Абстрактный гибеллинизм Данте не делал таких различий. И хотя Данте поместил Фридриха II в ад, причиной тому было его еретичество, а не чуждое варварское или германское происхождение. Данте никогда не думал о Фридрихе в таких категориях; для него он – цезарь Август. И говоря о культуре сицилийского двора в трактате «О народном красноречии», он пишет:

Действительно, славные герои – цезарь Фредерик и высокородный сын его Манфред, являвшие благородство и прямоту, пока позволяла судьба, поступали человечно и презирали невежество. Поэтому, благородные сердцем и одарённые свыше, они так стремились приблизиться к величию могущественных государей, что в их время всё, чего добивались выдающиеся итальянские умы, прежде всего появлялось при дворе этих великих венценосцев⁵⁹.

В XV веке, особенно во Флоренции, появляются новые школы исторической и политической мысли, которые отчётливо порывают с призраком империи и её периодических обновлений. Эти течения выросли отчасти на почве более полного знания об античной политической истории и теории, открытого гуманистами, и отчасти на наглядных примерах различных

⁵⁶ L. Valla, *De elegantia latinae linguae lib. VI*, Rome, 1471, preface. За энтузиазмом в отношении ренессанса классической литературы в этом предисловии чётко различим призрак римского имперского *renovatio*. В работах итальянских гуманистов можно найти множество подобных отрывков. Исследование идеологии, стоявшей за художественной трансформацией Капитолия в эпоху Ренессанса см. в работе F. Saxl, 'The Capitol during the Renaissance, a symbol of the imperial idea', *Lectures*, London, Warburg Institute (1957), pp. 200–14.

⁵⁷ Ferguson, *op. cit.*, pp. 33 ff.

⁵⁸ J. Naclerus, *Memorabilium omnis aetatis et omnium gentium chronici commentarii*, Cologne, 1544 (1st ed., Tübingen, 1516), pp. 619–620, 630; cf. Ferguson, *op. cit.*, p. 35.

⁵⁹ О народном красноречии. Кн. I, xii. Пер. Ф. А. Петровского // Данте Алигьери. *Малые произведения*. М. 1968. С. 280–281.

типов правительств, которые предоставляла та самая, осуждаемая Риенцо и Петраркой, разобщённость Италии.

Леонардо Бруни⁶⁰ в своей «Истории Флоренции» демонстрирует чёткое понимание различий между республикой и империей, отсутствие которого столь заметно у Риенцо. Будучи ярким сторонником республиканских свобод, противопоставленных имперскому деспотизму, Бруни отсчитывает закат Рима с падения республики. Как и Вернани, хотя и по другим причинам, он не верит в золотой век Августа. Согласно Бруни, Рим «начал свой путь к упадку в момент, когда имя Цезаря впервые, как проклятие, прозвучало над городом, ибо свобода закончилась с имперским титулом, а вслед за свободой ушла и добродетель»⁶¹. Это ломает всю теорию избранного свыше имперского золотого века, в который был рождён Христос, и все следствия дальнейшей имперской истории. И вряд ли стоит упоминать после этого, что Бруни не верил в перемещение империи к Карлу Великому, ибо, если сама Римская империя была деградацией республики, то её перемещённая и варваризованная форма имела ещё меньше значения.

Основываясь на этой точке зрения, Бруни выработал такое видение средневековой истории, которое отличалось как от взглядов северного имперского хроникёра, восхищённо следившего за жизненным путём императоров Священной Римской империи, так и от Петрарки, для которого Средневековье было тёмной эпохой варварства. Бруни не считает Средние века тёмными, ибо они дали начало постепенному росту духа свободы в вольных городах-коммунах Италии. Это удачное и многообещающее движение расцвело в период, когда империя была слаба, и императоры потеряли своё влияние в Италии. Во времена ослабления имперской деспотии коммуна удалось расширить свои свободы и полномочия.

Помимо антиимперских мотивов «История Флоренции» Бруни несёт в себе также образец более чёткого и научного типа историографии, который вёл к более реалистичному и светскому взгляду на историю и политику, сферы, где общественное мнение было всё менее склонно основывать своё видение прошлого или настоящего на мистических интерпретациях Римской империи.

Научную базу под *Realpolitik* подвёл, конечно, Макиавелли. Движимый искренним патриотизмом, он мечтал о создании сильного, хорошо организованного государства, которое стало бы ядром объединения Италии. Свои познания в античной истории и наблюдения за текущими событиями он использовал в качестве материала при создании практического руководства для правителя о том, как получить и сохранить власть. Этот реалистичный подход по необходимости вытеснил старые идеалистические и универсалистские концепции. По мнению Макиавелли, ни один из двух центров, вокруг которых фокусировалась средневековая история – папство и империя – не способствовал процветанию Италии. Он с крайней неприязнью относился к папству, считая его главной причиной слабости и разобщённости страны, империю же полагал устаревшим и отжившим своё институтом, а также раздражающим оправданием иностранного вмешательства в итальянские дела⁶². Тем не менее, используя римскую историю, республиканскую или имперскую, в качестве хранилища, откуда можно извлекать эмпирические наблюдения для руководства по работе современного политика на благо Италии, он подразумевает, что итальянская история есть история римская со всеми её мировыми подтекстами. Макиавеллиевская мысль несёт в себе пережиток старых циклических взглядов, ибо он верит

⁶⁰ См.: Ferguson, *op. cit.*, pp. 10–11; J. W. Thompson, *History of Historical Writing*, New York, 1942, I, pp. 473ff.; H. Baron, *The Crisis of the Early Italian Renaissance*, Princeton, 1966, pp. 94 ff.

⁶¹ Ferguson, *op. cit.*, p. 10.

⁶² Первая книга «Истории Флоренции» Макиавелли исследует итальянскую историю с точки зрения бедствий, вызванных амбициями пап и вмешательствами императоров. В следующих книгах он указывает на печальные для Флоренции результаты непрекращающейся распри между гвельфами и гибеллинами.

в естественный процесс подъёма и упадка государства и в то, что их обновление заключается в возврате к древней добродетели.

Таким образом, мы подошли ко времени, когда новые ориентации исторического мышления, открытые итальянским гуманизмом, окончательно отбросили империю даже в качестве мифа или призрака универсалистской идеи. В дальнейшем национальные государства будут черпать из Макиавелли свои представления о том, как строить суверенную власть на базе реалистичного мышления и суждений.

Северный гуманизм, появившийся, конечно, позже южного, достиг своего наивысшего расцвета в фигуре Эразма Роттердамского. Как политический мыслитель Эразм был христианским идеалистом, стоявшим далеко от макиавеллиевского реализма. Его идеал Европы состоял в том, чтобы все монархи получали христианское образование с особым акцентом на обучении необходимым правителю добродетелям, которые следовало брать из трудов таких языческих авторов как Платон, Цицерон, Сенека или Плутарх. Воспитанные в таком духе монархи независимых государств должны будут действовать сообща для защиты и поддержания международного мира в Европе. Эти идеи он развивает в работе «Воспитание христианского государя», написанной в 1516 году для наставления юноши, который впоследствии станет императором Карлом V.

И хотя Эразм тоже отвергает империю как инструмент поддержания вселенского мира, заменяя её согласием христианских государей, в некоторых его сочинениях можно заметить рудиментарные пережитки имперской идеи. В 1517 г. в письме герцогам Фридриху и Георгу Саксонским (использованном в качестве предисловия к его изданию Светония в 1518 г.)⁶³ Эразм говорит, что имя империи, однажды священное для всего мира, даже сейчас несёт в себе религиозные и сакральные ассоциации, хотя и является лишь тенью себя прошлого. Он подчёркивает, что даже в античные времена Римская империя никогда не была в действительности всемирной. Многие открытые недавно части света были ей неведомы. Её величие бледнеет на фоне света Евангелия, как луна на фоне солнца. Нашествия варваров уничтожили империю, и хотя через много веков римские понтифики восстановили её, но скорее на словах, чем на деле. Он сомневается, возможно ли и нужно ли восстанавливать империю, хотя и признаёт, что теоретически вселенская монархия была бы лучшей формой правления миром. Всё это кажется теперь несбыточным и, в любом случае, правление владетеля мира было бы слишком большой ответственностью для одного человека. Более того, в мировой монархии и вовсе не будет необходимости, «если среди христианских государей будет согласие». Христос есть истинный правитель мира, и если наши государи станут следовать его учению, наступит процветание под властью единого царя.

Написанное за три года до избрания Карла V императором, письмо Эразма является ценным свидетельством того, что чувствовали по отношению к империи в просвещённых северных кругах накануне этого события. Эразм был реалистом в понимании того, что современные государства Европы с их современными монархами превращают империю в призрак. И он был идеалистом в том, что передавал имперские функции по поддержанию вселенского мира и справедливости согласию христианских государей. И всё же имя империи, которое, даже будучи переданным папами императорам, всегда оставалось не больше, чем именем (в Эразме нет ничего от понятия *Romanitas*

⁶³ Erasmus, *Opus epistolarum*, ed. P. S. Allen et al., 1906–47, II, 586. На это важное письмо мне указала покойная Барбара Флауэр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.